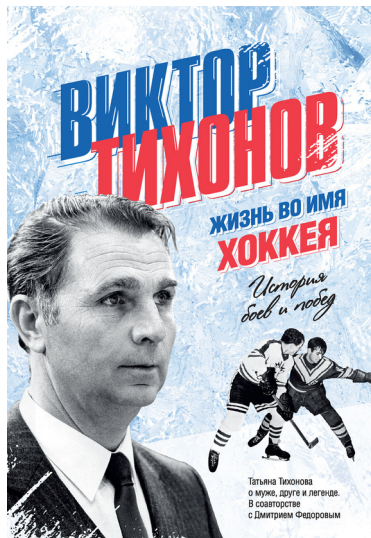

Дмитрий Федоров
Татьяна Васильевна Тихонова
Виктор Тихонов. Жизнь во имя хоккея
Серия «Мастера спорта (Эксмо)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10244736

Татьяна Тихонова. Виктор Тихонов. Жизнь во имя хоккея: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79214-6

Аннотация

Виктор Васильевич Тихонов – легенда советского и российского хоккея. В качестве главного тренера сборной он трижды добился с командой золотых медалей на Олимпиадах, восемь раз его команда завоевала титул чемпиона мира, а команда ЦСКА двенадцать раз становилась чемпионом СССР. Каким он был, «Мистер Дисциплина»? Как ему удалось добиться с командой таких успехов? Ответы на эти вопросы – в его дневниках и воспоминаниях супруги, Татьяны Васильевны, а также – в фотографиях из их личного архива.

Содержание

Тренер из победного детства	7
Как родилась эта книга	9
Глава I	13
Знакомство	13
Свадьба	16
Первые годы	18
Трудные времена	19
Война и Виктор	21
Самый любимый праздник	22
Семья Виктора	23
Двор	24
Жилищный вопрос	25
О моем отце	26
Глава II	28
Всеволод Бобров	28
Неудачи и поражения	30
Аркадий Иванович Чернышёв	32
Делегация из Риги	33
Цитадель предсезонки	35
Про везение	36
Глава III	37
Будни в Риге	37
Хелмут Балдерис	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виктор Тихонов. Жизнь во имя хоккея Татьяна Тихонова о муже, друге и легенде. В соавторстве с Дмитрием Федоровым

© Тихонова Т. В., текст, 2015

© Федоров Д. Ю., литературная обработка, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Татьяна Тихонова легко рассказывает о жизни с Виктором Васильевичем, делаясь иногда смешными, иногда грустными историями о конфликтах и победах хоккейной легенды. Каждое ее слово – это и его слово, потому что, прожив вместе 60 лет, они знали о каждой мысли друг друга. Также в книге собраны дневниковые записи Тихонова и фотографии из семейного архива.

«Лично для меня всегда было важно, что в сложных ситуациях или в случае неудач дед поддерживал меня и вдохновлял идти дальше. Строгий и требовательный в работе, в семье он был любящим и внимательным

дедом, отцом, мужем. Его присутствие на матчах всегда добавляло мне сил и эмоций. Я всегда буду помнить и гордиться своим дедом, фамилию и имя которого я ношу».

Виктор Тихонов,

чемпион мира, внук В. В. Тихонова

«Для меня Виктор Васильевич – самый великий тренер в истории хоккея. Благодаря ему в шестнадцать лет я попал в команду мастеров ЦСКА. Тихонов мог великолепно работать и с опытными игроками, и с молодежью, потому что был потрясающим психологом. Знал, каким образом воздействовать на каждого. Мне, как самому юному, он много подсказывал. О Тихонове могу сказать только самые добрые слова!»

Павел Буре,

чемпион мира, серебряный призер Олимпийских игр, заслуженный мастер спорта, член Зала славы ИИФХи Зала хоккейной славы

«Я благодарен судьбе, что моя жизнь и жизнь моей семьи была связана с Виктором Васильевичем Тихоновым. Все, чего я добился в жизни, было благодаря ему. Он стал для меня примером Человека из Большого спорта, патриота. Мы будем всегда помнить о нем и стараться сделать все возможное для сохранения его наследия, его духа, его традиций. Это нужно для воспитания сегодняшних победителей, а он всегда был победителем».

Алексей Касатонов,

двукратный олимпийский чемпион, многократный чемпион мира, Европы и СССР, заслуженный мастер спорта СССР

«С гордостью могу сказать, что за мою хоккейную карьеру мне повезло работать и учиться у великого тренера и уникального человека – Виктора Васильевича Тихонова. Я всегда буду благодарен ему за полученные уроки настоящего мастерства. Его отношение к делу, к профессии, целеустремленность в достижении целей, самодисциплина навсегда будут примером для многих поколений спортсменов».

Сергей Немчинов,

двукратный чемпион мира, двукратный обладатель Кубка Стэнли, серебряный призер Олимпийских игр

«В моей спортивной жизни огромную роль сыграло то, что я попал в руки величайшего тренера современности – Виктора Васильевича Тихонова. Этот человек дал мне дорогу в большом спорте и ценнейшие уроки как начинающему тренеру. Все мои спортивные достижения напрямую связаны только с ним – он заложил в меня необходимые спортивные качества. Я безгранично благодарен ему за все. Будем стараться сохранить и передать следующим поколениям все то, что удалось впитать и прожить вместе с ним».

Вячеслав Буцаев,

олимпийский чемпион, чемпион мира, главный тренер ХК «Сочи»

«Виктор Васильевич Тихонов на протяжении нескольких десятилетий являлся символом несокрушимости отечественного хоккея. Под его руководством сборная СССР не знала равных на международной арене.

Благодаря его методикам, умению найти подход к игроку в нашей стране выросло несколько поколений мастеров мирового уровня».

Виталий Прохоров,

олимпийский чемпион, президент Центра подготовки юношеских сборных команд имени В. Тихонова

Тренер из победного детства

Разочарование! Вот что часто ощущаешь, когда становишься спортивным журналистом и сталкиваешься с теми, кого в детстве видел в телевизоре и на кого хотел быть похожим. В реальности игроки, тренеры, как правило, уступают самим себе в экранном образе. Там, на поле, на площадке, они гениальны в умении создавать зрелище и дарить сказочные эмоции. А потом, спустя годы, знакомишься с ними, общаешься по работе и понимаешь, что лучше бы судьба с ними не сводила. Детские иллюзии, восторженность разбиваются о пошлую действительность. Эгоизм, отсутствие культуры, косноязычие – и все это в каком-то гипертрофированном виде. Конечно, не все звезды спорта такие, но хватает.

Почти два десятка лет назад я начал вести хоккейную программу на НТВ, и, естественно, возникла необходимость познакомиться с Виктором Васильевичем Тихоновым. Вести хоккейную передачу и не поговорить с величайшим тренером советской эпохи все равно что, впервые приехав в Москву, проигнорировать визит в Кремль и направиться в ГУМ.

И Тихонов, и его ЦСКА в 1996 году находились в жутком положении – борьба за дворец, аутсайдерство в чемпионате. Вряд ли победитель Кубка Канады и трех Олимпиад мог спокойно воспринимать такое падение. И я опасался, что увижу недружелюбного, сломленного человека, который совсем непохож на того, кем я когда-то восхищался.

Но Виктор Васильевич улыбался и совершенно не жаловался на жизнь. Мы пошли в кафе «Самоволка» закрепить знакомство обедом. Говорили часа полтора. Я, естественно, хотел узнать подробности великих матчей, которые смотрел в подростковом возрасте. Тихонов очень интересно рассказывал. А тактические нюансы, расстановку игроков он показывал... в своей тарелке с помощью икринок и блинов. В этом весь Тихонов – даже во время еды он в игре. И никакое, даже самое гурманское блюдо не способно было его отвлечь от главного... От хоккея!

С тех пор у нас установились дружеские отношения. Многие журналисты старшего поколения нещадно критиковали Тихонова в тот момент, когда он стал уязвим как тренер из-за отъезда за океан лучших игроков. А я сохранил по отношению к нему пиетет, уважение. И он это оценил. Только так я могу объяснить его расположение ко мне. Никогда не отказывал в интервью, готов был пообщаться неформально.

Когда Тихонова и Юрзинова в сезоне 2003–2004 подставили со сборной – другого слова не нахожу, – тогдашний менеджер по Северной Америке Алексей Касатонов позвонил мне и предложил поработать пресс-атташе на московском этапе Евротура. Я согласился. Посодействовал, чем мог. Тот, последний год со сборной получился для Виктора Васильевича крайне неудачным. Национальную команду тогда ведь никто не хотел возглавлять. Поэтому упростили мэтров, чтобы снять с себя ответственность в глазах общественности. Дескать, если не Тихонов с Юрзиновым, то кто же! В итоге сборная даже в плей-офф на чемпионате мира не попала.

Великие люди – спортсмены, исторические деятели, творческие личности – часто завершают свою карьеру или даже свою жизнь поражениями. Этим самым судьба словно делает их ближе к нам.

Хорошо помню все эти разговорчики о том, что якобы Тихонов побеждал лишь потому, что советская система работала исключительно на него. А как только система разрушилась, то он потерял свою силу, харизму, и его методы оказались безжизненными.

Я боялся, что «разоблачительный» шепоток станет господствующей точкой зрения. Зависть, стремление принизить достижения, девальвировать ценности – увы, характерные

для нашего общества явления. Все это приводит к отсутствию идеалов. Получается, не на кого равняться, не у кого учиться.

К счастью, человеческая память избирательна. Она оставляет хорошее, а плохое забывается. Так случилось и с Тихоновым. Для болельщиков, да и для всех россиян он остался в истории как победитель. Наша держава перестала быть конкурентоспособной во многих областях экономики и культуры. И у людей возникла ностальгия по временам, когда все было по-другому.

Тихонов сделал труд образом жизни. Фанатик работы! Его конфликт с ведущими игроками в конце восьмидесятых преподносился как столкновение старого и нового, тоталитарной системы и независимой личности. Но лично для меня это конфликт трудоголика с мещанством. Игроки хотят побольше получать, умеренно тренироваться и почаще отдыхать. Естественное обывательское желание. Так живут миллионы по всему свету, и за это нельзя осуждать. Но если тебе даны талант и слава, то нужно стремиться к чему-то иному, более высокому.

Перфекционистов и максималистов редко любят коллеги и подчиненные. С Тихоновым невозможно было оставаться в блаженном спокойствии. Любая победа – это повод еще больше вкалывать. Диктатор? Возможно. Но только такие люди, как Тихонов, изменяют мир к лучшему.

Воспоминания Татьяны Васильевны необычайно личностные, моментами шокирующе откровенные. Она дает резкие оценки и не стесняется в выражениях, как и положено настоящей боевой подруге. Тихонов, изображенный ею, не икона для фанатичного поклонения, а вполне реальный человек – просто старше, опытнее и мудрее нас.

В трактовке хоккейных событий Татьяна Васильевна ориентировалась на записи в блокнотах мужа. Их фрагменты воспроизведены в приложениях. Тихонов собирался написать книгу, но не успел. Он оставил наброски. Можно сказать, в этой книге отражены его мысли. Неявное соавторство. Так что, в какой-то степени это общее сочинение. Свои рабочие наблюдения Тихонов собирал тридцать пять лет, хранил и хотел обнародовать. Вместе с газетными вырезками они были распределены по папкам и занимали несколько полок книжного шкафа.

Кстати, читатели прониклись бы особой симпатией к Виктору Васильевичу, если бы увидели его квартиру. Она скромна и уютна – словно из добрых советских фильмов семидесятых-восьмидесятых годов. Никакой роскоши – и много-много книг на полках.

Он любил давать, а не брать. Тихонов был не потребителем, а созидателем. И, пожалуй, это самое важное, что может и должен перенять у него любой, кто прочитает эту книгу.

*Дмитрий Федоров – обладатель Приза лучшему комментатору КХЛ-2014
Нашему внуку – Виктору Васильевичу Тихонову*

Как родилась эта книга

Никогда не ощущала в себе даже малейшей склонности к писательскому перу. Уже лет с пятнадцати-шестнадцати решила стать юристом борцом за правду. Но... Как там у Зощенко? Жизнь диктует свои законы, надо подчиняться.

За полгода до ухода Виктора, летом 2014-го, мы с ним много говорили о прошлом, вспоминали. И вдруг он произносит такую фразу: «Наверное, настало время, когда я могу многое рассказать».

Вот оно! Ведь речь – о правде. Сколько накопилось за последние годы толков и криво толков, сколько осталось невысказанного и недоговорённого! Услышав от Виктора эти слова, я тут же поддержала затею. Да что уж там скрывать, я прямо-таки обрушилась на него:

– А сколько лет я прошу тебя написать книгу? Ты посмотри, сколько у тебя материалов! Твои блокноты, твои и к тебе обращённые письма, записки, газетные и журнальные вырезки, протоколы всяких там постановлений и решений... Это же всё необычайно интересно людям! Это же такой весомый кусок истории советского хоккея. К тому же у тебя масса тренерских наработок, почему бы не поделиться с хоккейными школами, со специалистами? По-моему, неоценимая вещь! Пусть почитают, ведь ничего уже изобретать не надо, всё изобретено. Тобою! Просто надо уметь применить, реализовать...

Тогда он стал перебирать и перечитывать весь свой архив. Я видела, что он с удовольствием этим занимается – собирает в папки по годам записи из блокнотов, систематизирует. То есть он серьёзно продумывал, о чём он скажет, как он скажет.

За полгода до ухода Виктора, летом 2014-го, мы с ним много говорили о прошлом, вспоминали. И вдруг он произносит такую фразу: «Наверное, настало время, когда я могу многое рассказать».

Но так получилось, что, когда мы в сентябре вернулись с дачи домой, в Москву, он уже был очень болен.

Всё как-то моментально случилось.

Долгое время Виктор держался. Он ведь болел с 2007 года. Тогда врачи готовили родных и близких к тому, что он долго не протянет. Василию, нашему сыну, говорили – не более трех лет. Но с тех пор прошло семь лет! И никто не скажет, что это были годы простого существования, цепляния за жизнь. Нет, он по-прежнему жил хоккеем. Хотя в эти годы ему стало интересно многое из того, что раньше никак не занимало. На что прежде у него просто не хватало времени. Видимо, поэтому он больше стал бывать на даче. Ковырялся в земле, сгребал ветки – у нас там большой сосновый бор. Я ему говорила: «Если б ты не был хоккейным тренером, то стал бы хорошим лесником». И вовсе не затем, чтобы пошутить или польстить. Он в самом деле соорудил в лесу прекрасную дорожку.

Когда мы выходим из калитки – попадаем сразу в лес. Была там, конечно, некая тропка, выходящая среди деревьев и кустов, но назвать её дорожкой было бы чересчур смело. Виктор сам прочистил всё, засыпал песком. В своё время он там бегал... Когда ещё мог. И сын наш, Василий, бегал там же. Так и осталась эта дорожка – дорожка Тихонова. Она длинная – четыреста метров. Мы гуляем по ней – очень красиво. Хорошо и очень качественно сделано, прямо-таки профессионально!

Так вот, в сентябре, когда мы вернулись с дачи, ему стало совсем плохо...

А ведь в начале года 84-летний хоккеист ещё и на Олимпиаду поехал! Вот уж поистине: в хоккей играют настоящие мужчины. За шесть десятков лет нашей совместной жизни я этой истиной буквально прониклась.

И всё же одного его я бы ни за что не отпустила. С ним вместе отправились Катя и Макс, дай им Бог здоровья! Уверена: без них он бы там просто не выжил. Екатерина Барковская – это юрист Виктора, а Максим Алексеев – водитель, который работал с ним девятнадцать лет. Фактически они уже давно стали членами семьи, Катю мы между собой даже называли «младшая жена».

Тихонову в Сочи было очень трудно. Приходилось много ходить, а он совсем уже не мог пешком передвигаться. Ну... почти не мог. Между тем ФХР (Федерация хоккея России) и КХЛ (Континентальная хоккейная лига) могли обеспечить пребывание на Олимпиаде лишь одного Тихонова – без сопровождающих лиц. Спасибо, «Роснефть» помогла и выделила деньги на троих – Виктора, Екатерину и Максима. А вот обеспечить их пропусками на парковку рядом с ареной «Роснефть» не могла. Эти пропуска выдавал Оргкомитет Игр на основании списков, которые ему подавала ФХР.

В результате в первый день Виктор, Катя и Максим, получив паспорта болельщиков, подъезжали к территории олимпийского парка и просили пустить их на специальный транспорт для людей с ограниченными возможностями. Это такой состав с паровозиком, на котором можно было доехать до стадиона.

На стадионе же быстро выяснилось, что у всех чиновников необходимые пропуска для парковки рядом с ареной есть (а кто б сомневался?!). Катя стала звонить в Олимпийский комитет, чтобы добиться справедливости. А там сказали, что Федерация подавала списки ещё до Олимпиады, и Тихонов в них не значится!

Это было бы смешно, когда бы не было так грустно... Но наша Катя – юрист грамотный и цепкий. Вопрос в тот же день был решён благодаря личному вмешательству бывшего президента ФХР Александра Стеблина. Уже со второго игрового дня подъезжали к внутреннему лифту дворца.

Можете представить себе, с какими переживаниями я выслушивала рассказы об этих «приключениях», когда они вернулись. Тем более что чересчур неожиданными они для меня не были (об этом – чуть ниже). И я категорически возражала, когда уже через пару месяцев муж засобирался в Минск на чемпионат мира. Но он был очень настойчив: хочу, говорит, посмотреть, как в Минске наш внук сыграет. Ведь в Сочи ему на льду приходилось бывать нечасто...

И опять Катя поехала с ним, молодец! Всё она организовала идеально. И поселили хорошо, и места на стадионе удобные. То есть он полноценно посмотрел матчи. И в раздевалку зашёл после награждения Виктора золотой чемпионской медалью (которую внук, со словами «Это и твоя награда, дед!», надел ему на шею). А раньше этого не было. Раньше его всегда куда-то засылали на неудобные места...

Да простит меня читатель за небольшое отступление. Хочу объяснить, почему для меня не стали неожиданностью сочинские «приключения» Виктора... В течение последних семи-восьми лет Федерация селила Виктора в гостиницы, удаленные от арен, билеты на матчи давала на плохие места.

Он и в раздевалку зашёл после награждения Виктора золотой чемпионской медалью (которую внук, со словами «Это и твоя награда, дед!», надел ему на шею).

Как правило, его выручал или глава Международной федерации хоккея Рене Фазель, или ещё кто-нибудь из больших руководителей, при их содействии его приглашали в VIP-ложу. Замечу: перед каждым чемпионатом мира я просила мужа: «Виктор, ну не стесняйся ты, говори ФХР, что тебе нужно». Я же знаю, как ему тяжело идти, знаю, что никому не станет он рассказывать, как ему сложно. Но – из года в год ситуация повторялась. Везде в ложах

– знакомые, друзья, родственники руководителей Федерации, у них парковки, пропуска. А Тихонову хорошего места не доставалось.

И не сказать, что ФХР напрочь забыла Виктора Тихонова. Тот же Владислав Третьяк, если ему было нужно, например, попросить о чем-то Путина, – к Виктору всегда обращался. И я не припомню случая, чтобы муж ему отказал...

В общем, расслабляться ему не давали. Хотя были и те, кого такое отношение к легенде советского хоккея возмущало. Помню, как заступился Владимир Юрзинов: «Что же вы делаете, куда Тихонова посадили?!». Но сам Виктор своего к этому отношения практически не проявлял.

Впрочем, вернёмся к книге.

Уже года за два до той фразы, произнесённой летом 2014-го (с которой я начала эту книгу), он, мне кажется, принялся готовиться к работе над ней. Доставал все свои архивные записи, рассыпал их по квартире, отбирал, кое-что выбрасывал. Пишу «кое-что», а ведь я мешками выносила на помойку бумаги. Потому что он приводил всё в систему.

Готовился тщательно. Очевидно, что желание обобщить, написать у него вызрело давно. Раз он со мной обсудил... Виктор вообще свои идеи всегда вынашивает в себе до тех пор, пока не осмотрит их со всех сторон. Поделится со мной – значит, готов, будет писать, взвесил все «за» и «против», определил главные направления... И, хотя интонация как бы нерешительная («Наверное, настало время»), мне ясно: время пришло, он готов, работа начинается.

Ну вот, я по-прежнему о Викторе – в настоящем времени... До сих пор так о нём думаю, так вижу его...

Он не успел – не получилось у него написать книгу. Что ж, это сделаю я. Нет, не за него. Мы же вместе – более шестидесяти лет, я делила с ним всю его жизнь. И знаю, что он хотел сказать в своей книге.

Сразу же хочу отсеять мысль, которая, наверное, появилась у некоторых читателей: не стану писать исключительно о всяких склоках. Хотя они были – и с хоккеистами, и с руководителями. Что-то ему очень не нравилось, да... Но он ставил на первое место работу. Поэтому сотрудничал даже с теми, кого не уважал. Если это надо для дела! Он не умел грубо говорить, не умел ругаться. Просто занимался своим делом. Но я-то знаю, кто у него был на хорошем счету, а кто на плохом.

Виктор, размышляя о книге, говорил, что прошло много лет и можно раскрыть некоторые нюансы. Значит, хотел рассказать о том, что было в командах негативного, о трудностях. О том, как приходилось помогать ребятам, прикрывать. Всякое ведь бывало.

Допустим, сборы перед большими соревнованиями, особый режим. И мне приходилось слышать (да и читать) шуточки о «ключей проволоке», излишней строгости. Мол, нужны ли такие сборы? Для Виктора ответ очевиден: именно они помогали выигрывать. Даже корифеи нашего хоккея на эту тему помалкивают, не говорят о нарушениях режима. А ведь речь идёт о том, чтобы не было пьянства. Чтобы нормальный рабочий день получался: зарядка, завтрак, обед, отдых. Чтобы команда была готова к игре.

Не будем лукавить: защита команды от пьянства – та ещё тренерская проблема! Сколько раз муж рассказывал мне (да я и из других источников знала), как игроки куда-то ходили, кто и сколько мог выпить. Для меня это ужас, кошмар! Но ведь так было! И Виктор об этом собирался рассказать.

Вообще-то, Виктор – прекрасный рассказчик. Об этом далеко не все знают, в деловом общении он немногословен. Но если его попросят приятные ему люди, если разговор пойдёт на интересную ему тему – остановить его невозможно. Даже я, слушая много раз одно и то же – в разных кругах, в разных компаниях, – поддавалась обаянию его рассказов о хоккее.

Он не успел – не получилось у него написать книгу. Что ж, это сделаю я. Нет, не за него. Мы же вместе – более шестидесяти лет, я делила с ним всю его жизнь. И знаю, что он хотел сказать в своей книге.

К сожалению, не нашлось журналиста, соавтора, который бы подтолкнул его к написанию этой книги. Хотя, конечно, у него были хорошие знакомые в среде журналистов. В Риге он был очень дружен с корреспондентом газеты «Советская молодежь» Виктором Резник-Мартовым. У них был человеческий контакт, и муж даже считался штатным сотрудником газеты: ещё будучи тренером рижского «Динамо», несколько лет ездил с Резник-Мартовым на чемпионаты мира и писал вместе с журналистом репортажи. Все отмечали, что это было невероятно интересно.

Дружил он и с Олегом Спасским, написавшим множество книг о советских хоккеистах. Более того, именно Олег подтолкнул его к тому, чтобы он и сам сел за перо. Помогал, конечно... Но после смерти Спасского у Виктора не было такого близкого человека, чтобы можно было откровенно поделиться.

Были, конечно, журналисты, предлагавшие свои услуги. Но... Я их называю – кунктаторы, есть такое слово из латыни – медлительные. Они готовы работать только тогда, когда им удобно, урывками. А Виктору нужен был человек, который его заставит сесть и рассказывать.

Жаль, не нашлось такого. То-то удовольствие бы получил. Ведь и с чувством юмора у Виктора было всё в порядке. Правда, совершенно не умел рассказывать анекдоты. Совершенно! Когда начинал, я прерывала: «Не надо, всё равно не пойму».

И здесь, в этой книге, я анекдотов рассказывать не стану. Хотя будет и веселое. Но – и грустное тоже. В общем, всё, что случилось в нашей жизни за шестьдесят один год. Постараюсь сделать то, что Виктор Васильевич не успел. Так что фактически мы пишем эту книгу вместе.

Глава I К узам Гименея

Знакомство

Был у меня в школьные годы приятель Борька – Борис Бобров. Да-да, читатель правильно подумал – брат знаменитейшего Всеволода Михайловича Боброва. Правда, с Всеволодом я так и не познакомилась. А Борис учился в Ленинграде в Нахимовском училище и на лето приезжал в Москву – к брату. А мой отец после войны (это были 1949–1950 годы) учился в Академии Генерального штаба.

Квартиры у нас тогда не было, и мы жили в гостинице ЦСКА. Тогда, впрочем, не ЦСКА, а ЦДКА – армейское спортивное общество так называлось. В той же гостинице были сборы у армейских футболистов. Так что мы частенько видели их в определённом, непрезентабельном состоянии. Понятно, в каком. Игроки были всемирно известны, обожаемы, любимы, им поклонялись и... наливали.

Тем летом мы с Борисом, познакомившись в этой самой гостинице, ходили в театр, в цирк – встречались, в общем. Были мы ровесниками, общий язык нашли как-то сразу, и нам было друг с другом интересно.

Прошло какое-то время, мой отец получил новое назначение – военным атташе в Болгарию. Тут же ему дали квартиру на Новопесчаной улице. Большую квартиру в доме, на котором Песчаная улица заканчивалась и начинался лес.

Родители уехали в Болгарию, а меня отдали в интернат, где были дети, чьи родители работали за рубежом. В те времена за границей не было советских школ, и дети-школьники не могли поехать с родителями.

Наша школа-интернат была на Петровско-Разумовской аллее, около стадиона «Динамо». Кстати, лес, который вырос там, сажали мы. Нас, школьников, водили туда, и мы с удовольствием копали ямки, располагали в них саженцы, присыпали землёй, ухаживали... После того, как я окончила десятый класс, ничто уже не держало меня в этом интернате, и я стала жить одна в четырехкомнатной квартире.

Естественно, тем же летом я поступала в институт. Столь же естественно – в юридический. Но... Попытка оказалась неудачной. Хорошо, что ещё можно было перебросить документы в пединститут, что я и сделала, сдав экзамены на факультет иностранных языков, испанское отделение. Весь первый курс училась вполне добросовестно и институт этот вспоминала с благодарностью, когда ездила в Испанию вместе с Виктором. Конечно, еле-еле, но я всё-таки говорила по-испански, во всяком случае, могла примитивно объясниться.

Так вот, на следующий год я решила сделать вторую попытку стать юристом. В пединституте слухавила, написала заявление, что уезжаю в другой город, чтобы мне выдали аттестат. И поступила в Московский юридический институт. Сама, без родителей.

Борис приезжал в Москву нередко, мы встречались, опять куда-то ходили. Но отношения были сугубо товарищеские. И вот однажды, в сентябре 1953 года, мы побывали в цирке, а после представления Борис провожает меня до дома. Едем в троллейбусе, и тут заходит в салон парочка, причём молодой человек Борису хорошо знаком. Они радостно здороваются, знакомят друг друга со своими девушками, да и нас, девиц, друг с другом. Это была наша первая встреча с Виктором Тихоновым.

Кстати, девушка, как быстро выяснилось, училась со мной на площади Коммуны, в восьмом классе. Её звали Эльвира. Она потом вышла замуж за хоккеиста (судьба!) Павла Жибуртовича.

Боря меня проводил, и я ему сказала: «Слушай, какой хороший мальчик, как он мне понравился». Спустя несколько дней – звонок в дверь. Открываю – на пороге Борис, а за его спиной – улыбающийся Виктор. Вот молодец, нет чтобы предупредить заранее. А то я как раз собиралась куда-то на свидание. Ну, раз уж пришли, сели, поболтали несколько минут, и я им: «Ребята, мне некогда, я должна идти». Всегда не любила опаздывать. Тогда Тихонов попросил у меня книжку почитать, название не помню.

Конечно же, книжка была поводом для продолжения знакомства. Если его так уж эта книжка заинтересовала, вполне мог бы в библиотеке почитать! Я это, мне кажется, сразу поняла и с удовольствием ему книжку вручила. Через пару дней он её вернул, а через три месяца мы поженились. Быстро? Но, видимо, судьба распорядилась так, что мы должны быть вместе. За многие события в жизни могу сказать судьбе «спасибо»!

Или я должна благодарить Бориса? Ведь исполнителем воли судьбы был именно он. И я ещё продолжала с ним дружить. Мы перезванивались, но не встречались так часто. Он всё реже бывал в Москве, был даже период, когда я его несколько лет не видела. Зато – опять же судьба – мы встретились, когда он женился. Случайно встретились, около метро «Сокол». Он меня немедленно с женой познакомил. Такая красивая женщина, что я не могла глаз отвести. Потрясающей красоты! А ведь сам он мальчик некрасивый, вот просто совсем некрасивый. Но, я считаю, это вышло по справедливости.

Едем в троллейбусе, и тут заходит в салон парочка, причём молодой человек Борису хорошо знаком. Они радостно здороваются, знакомят друг друга со своими девушками, да и нас, девиц, друг с другом. Это была наша первая встреча с Виктором Тихоновым.

Борис потом работал во Внешторге, Виктор иногда его встречал за границей, передавал мне приветы. С Эльвирой, вышедшей замуж за Жибуртовича, мы могли увидеться на хоккее. Но тогда игры проходили на открытых площадках – там особенно не поговоришь. На Восточной трибуне холод, погреться негде. Встретимся там – привет, привет, как дела, ничего? Вот и всё. Жёны хоккеистов, высыпавших на лёд, болельщиков не привлекали. А мне интересно было бы знать: считала ли Эльвира, что у неё Виктора увела?

Впрочем, в те времена спортсмены ещё не стали желанными женихами. Их не перевозили. Это сейчас, насколько я знаю, за игроками девушки гоняются. Ужасно это всё – расчёт, выгода! А тогда больше военные как-то были на виду.

Здесь замечу, что по тем временам мы с Виктором были словно в разных весовых категориях. Я всё-таки генеральская дочка, а он – парень с семью классами образования. Были люди, которые говорили, что он выгодно женился. А я не хотела ничего и никого слушать. Я и сейчас такая. Даже в магазин, когда покупаю вещи, не люблю, чтобы со мной кто-то шёл. Должна сама выбрать, и потом, если мне не понравится, знаю, что сама виновата. Не люблю советы. Могу выслушать, но в серьёзных жизненных ситуациях должна всё решать сама.

У нас с Виктором была настоящая любовь. Любовь и судьба! Я, кстати, верю в любовь с первого взгляда. Поэтому со своими родителями я разговаривала решительно. Мой отец, политработник, в людях разбирался, он прекрасно всё понял сразу после знакомства с Виктором. А мама ещё немножко покряхтела.

Это, конечно, смешно вспоминать, но её всегда поражало, что Тихонов ест много конфет. А я и говорю: «Тогда не клади полную вазу». Сколько бы ни лежало в вазе, пока он сидел и разговаривал, обязательно всё съедал. Видимо, потребность такая была. Я потом даже стала бояться, думала – перебор! Но у него всё сгорало в организме, ему это необхо-

димо было. В последние лет десять-пятнадцать он как-то притормозил... Нет, по-прежнему любил сладкое, но я ему стала подсовывать фрукты.

А сейчас у нас в семье сладкоежка – внук Витя. Но он со своей любовью к сладкому борется. У него даже есть способ – убрать сладкое подальше. Чтобы не видеть. Тогда и соблазна не будет.

Свадьба

Три месяца знакомства – и свадьба...

Если кто-то думает, что за эти три месяца мы хорошо узнали друг друга, то он ошибается. Наверное, половину этого времени Виктор провел на сборах и в поездках. Кажется, что могло нас так быстро объединить? Ведь у нас даже не было времени куда-то пойти – в кино или в театр. Я училась, он играл, сборы бесконечные...

А может быть, именно его отъезды нас и связали. Нам хорошо было вместе и плохо врозь. Мы оба с нетерпением отсчитывали оставшиеся до его возвращения дни. Мы в этих разлуках особенно остро чувствовали, как нам друг друга не хватает. Мы поняли, что – половинки одного целого, которые непременно нужно соединить.

А вот как состоялась наша свадьба. 24 декабря 1953 года мы с ним зашли в ЗАГС, одетые в зимние пальто, – никакой торжественности. Нас посадили за столик и тут же зарегистрировали, выдали свидетельства о браке. Мы сказали: «До свидания» – и ушли.

И ничего не отмечали?! – воскликнет читатель XXI века. Да, в тот день (замечу: за неделю до Нового года) – ничего. Это уже потом, в Новом году, мои родители возвратились из Болгарии, и мы встретились в кругу семьи. Отца перевели в Южно-Уральский военный округ, назначив членом Военного совета. На тот момент мы с Виктором уже месяц в браке.

Не скажу, что, вернувшись в Москву, родители получили сюрприз в виде бракосочетания дочери. Нет, я, конечно, им в Софию писала, что – познакомилась, что – вот, влюбилась, наконец, что – идём в ЗАГС. Так что сюрприз они получили ещё там, в Болгарии. Причём, когда они узнали, что речь идёт о хоккеисте, то пришли в ужас. За хоккеиста?!

Читатель помнит, что перед тем, как нам дали квартиру, мы жили в гостинице ЦСКА. И частенько наблюдали «закулисную» жизнь наших спортсменов. Естественно, им было совершенно очевидно, что спортсмен – абсолютно неподходящий человек для дочери. Так что ещё в письмах они мне, можете себе представить, какие возражения высказывали. Но я написала просто: «Не согласитесь – я уйду из дома». Они вынуждены были смириться.

Так вот, в январе я сдаю экзамен, а гости уже сидят и ждут за столом. Виктор привел маму – Анну Ивановну – для знакомства со своей женой. Она меня до этого не видела. Ещё была тетя Виктора – Татьяна Ивановна. С моей стороны – папа и мама и ещё их старинные друзья. Сидят шесть человек – знакомятся, ждут новобрачных.

А невеста (жена уж давно!) в это время сдает экзамены в институте. Жених (муж!) сидит в машине, которую тесть дал, ждёт невесту. Виктор мне потом уж рассказывал, что он целый час по улицам гулял около дома, боялся подняться для знакомства с родителями. В итоге, конечно, поднялся, познакомились. И – чудо! – у них с моим отцом сразу сложились прекрасные отношения, просто-таки замечательные. Такими они и были до смерти отца, а умер он очень молодым – в пятьдесят семь лет. Облучился, присутствовал на испытаниях атомной бомбы. Но это особая тема...

И вот мы приезжаем... Я в тёмном платье, без фаты – без всего, что полагается. Понятное дело – мы же месяц уже как женаты. Вот так состоялось знакомство.

А вместе с родителями мы даже толком не пожили. Довольно скоро отец уехал в Оренбург на новую работу. С ним, естественно, мама и мой брат. Тогда брату моему было всего-то шесть лет, совсем крошка...

Вот и вся наша свадьба-женитьба!

Может быть, это и к лучшему. А то я смотрю, как теперь женятся, приглашают тысячу гостей, тратят немеренные деньги, а через год поругаются и расстанутся. Может, нам так хорошо было потому, что мы редко виделись. Вся наша жизнь – это встречи-расставания.

Конечно, мы ссорились, конечно, я могла взбрыкнуть – девушка я такая была... вся из себя. Но – вот она, сила любви. Мы как-то быстро оттаивали. И к тому же он не мог меня послать куда подальше. Он просто этого не умел, и поэтому приходилось очень быстро мириться. Такое у нас в жизни стечение обстоятельств. Счастливых обстоятельств!

Первые годы

И началась совершенно сумасшедшая жизнь! Он поступил в школу – в восьмой класс. У него же было всего семь классов образования. Ведь мы – дети войны! Он с 1942-го, с двенадцати лет, – на заводе. До знакомства со мной Виктор несколько раз возобновлял учёбу, и всякий раз приходилось бросать, потому что – поездки на сборы, на матчи.

Но на этот раз он четко решил меня догнать. И догнал, и перегнал во всех отношениях. Виктор закончил восьмой, девятый и десятый классы, затем поступил в институт физкультуры и его закончил.

В то время он уже работал в «Динамо» помощником у Аркадия Ивановича Чернышёва. Когда мы поженились, у него уже было три золотых медали чемпиона СССР, заслуженных в составе легендарной команды ВВС. Ещё одну он получил в 1954 году, уже будучи динамовцем. Были потом и ещё медали: серебряные, бронзовые – по четыре. Это всё в «Динамо».

Вообще-то, Виктор ещё и в футбол играл. Любимая игра! До самых последних дней. Он уже еле передвигался, но на все футбольные матчи ЦСКА ездил. Его друг Валерий Иванович Гуцин сопровождал – сажал в машину, помогал вылезти, следил и ухаживал за ним на стадионе.

В юности Виктор прекрасно играл в футбол и в хоккей с мячом, так называемый русский хоккей. Но в 1950-м в авиакатастрофе погибли ведущие игроки команды ВВС, которой покровительствовал Василий Сталин. И тогда всех, кто умел играть в хоккей, собрали в новую команду. Ставшую трижды чемпионом страны.

Закрытых дворцов с искусственным льдом тогда не было, на сборы игроки уезжали в Сибирь ранней осенью – туда, где уже лёд был. И поэтому жизнь у нас была такая – нам некогда было ругаться и ссориться, делить что-то. Жили мы так, потихонечку. Родители мне на первых порах материально помогали, поэтому с финансовой стороны всё было нормально. Мы никогда не нуждались. Как-то всего хватало...

Трудные времена

Я училась в Московском юридическом институте, через пару лет нас слили с Московским университетом. Юрфак располагался тогда на улице Герцена. Училась, в принципе, вполне нормально. Но именно тогда, когда моей группе надо было сдавать госэкзамены, я оказалась в родильном доме. На свет появился наш сын Василий. Группа вся распределилась, все мои однокурсники разъехались по направлениям на работу, а я осталась с малышом. И только через два года смогла получить диплом.

Диплом мне пришлось защищать уже во Всесоюзном заочном юридическом институте. Меня направили туда. В тот жизненный период всё тяжело давалось. Василий родился, а молока нет – грудница несколько раз была. Я – одна, с ребёнком на руках. Мама Виктора помочь не могла – она работала в кузнечном цеху военного завода на «Динамо». Отец Виктора погиб под Сталинградом во время войны. Мои мама с папой уехали в Оренбург. А Виктор в разъездах. Он, конечно, когда появлялось время, помогал мне. Но первый год получился очень тяжёлым.

Затем всё стало как-то налаживаться. И, когда я получила диплом, у меня сразу такое счастье!.. Что всё-таки, как говорится, не «профукала» все эти годы учёбы. Сумела-таки и ребёнка выкормить, и образование получить. А потом я стала думать о работе.

И ещё надо было найти детский сад. В детский сад устроить ребёнка – проблема большая. И тогда, и сейчас.

С работой мне помогли знакомые, я очутилась на Московском хладокомбинате № 7 на Хорошевском шоссе – в должности юрисконсульта. Там был отдел из трех человек. И тут началось следующее жизненное испытание.

Училась я легко и с удовольствием, но оказалось, что всё это не совсем то... И всё надо постигать заново. Но мне очень повезло с начальником юридического отдела. Леонид Андреевич Иванов – небольшого роста мужчина, неброской внешности. Но сила духа определяется не шириной плеч. Этот человек несколько раз бежал из фашистского плена. Настоящий мужчина! Именно – не мужик, а мужчина. Как же он меня учил! Я рыдала, я плакала, а он меня заставлял писать с красной строки исковые заявления, которых набиралось тысяча двести в год!

Всё сначала казалось сложным и непонятным. Все эти простыни, полотенца, недостатки, пересортица продуктов... Пока я поняла, что, куда, где и почему... А он заставил меня печатать на машинке одним пальцем исковые заявления. Но я очень благодарна моему начальнику за ту школу.

Зато сын Васька был рядом – в детском саду, который принадлежал хладокомбинату. И это счастье. Утром соберу ребёнка, жуя по ходу какую-нибудь баранку, выскакиваем на троллейбус, несколько остановок, и – мы на месте. Оба. Он – в детском саду, где и завтрак, и обед, и полдник. А я – на рабочем месте, в здании через забор от детсада. И я всегда могла сбегать и посмотреть, что он делает. Как-то полегче стало.

Конечно, материально было непросто, потому что Виктор получал тогда 1400 старыми рублями. Пересчитать их на современные деньги трудно, буханка чёрного хлеба, помню, стоила рубль шестьдесят... Килограмм мяса – где-то двадцать-тридцать рублей... В общем, заработок Виктора большим никак не назовёшь. А я получала чуть не вдвое меньше – 750 рублей. Да ещё вычеты были, у него 100 рублей и 50 рублей у меня. Вот так мы на 2000 рублей и жили. Никогда не голодали, всегда были сыты, ребёнок ел фрукты.

Постепенно всё наладилось в жизни. Но каких-то ярких впечатлений и историй не случилось. Мы практически никуда не ходили – ну, в кино, может быть, очень редко в театр. Потому что времени свободного не было.

Я сейчас иногда общаюсь на улице с людьми, которые с собаками гуляют. Они вспоминают: молодость – такое, мол, замечательное время, везде ходили, много всего посмотрели, развлекались, встречались. Я им на это говорю: «А у меня не получилось, у меня был сплошной труд».

Причём то один болеет, то другой сломан и с синяками. Виктор иногда играл с выбитым плечом. Ему обкалывали больное место, перевязывали, и он выходил на лёд. Ну, очень много травм у него было, очень много! Да и технологии тогда были иные. Другая медицина, другое восстановление – не сравнить с нынешними. И, в общем-то, Виктор играть закончил из-за травмы. Он хотел ещё поиграть, но получил перелом большой берцовой кости на тренировке, играя в футбол. Был такой защитник с ним в одной команде – Михаил Орехов. Вот он-то и дал ему бутсой по ноге так, что сломал большую берцовую.

Лечился Виктор долго, и тогда было очевидно, насколько он мужественный человек. Я никогда не забуду, как он на костылях с перебитой ногой дошёл до «Динамо» и вернулся обратно. У игроков тогда машин не было. Разве что у самых выдающихся уже стали появляться. А нам и мечтать нечего было.

Я сама ломала ногу и сама ходила на костылях – знаю, что это такое. Мужество в Викторе заложено с детства.

Война и Виктор

Детство у Виктора было тяжелейшим. Началась война, и он никуда из Москвы не уехал. Когда мой отец отправился на фронт, нас с матерью эвакуировал в Кутаиси – к сестре отца. А в Москве голод был, холод, мама Виктора Анна Ивановна проявляла чудеса героизма, чтобы его прокормить. Он рассказывал, что у него случались помутнения рассудка – галлюцинации от голода.

Он рассказывал мне, как на автокомбинате, где он трудился с двенадцати лет, ему подставляли специальную тумбочку, чтобы повыше, чтобы доставать до тисков на верстаке. И мастер ему говорил, когда появлялся какой-то просвет в работе: «Ложись под верстак, поспи немножко».

Ему одиннадцать лет – совсем маленький. Мать уезжала менять вещи на картошку. Вернулась с мешком, а у него уже всякие бзики в глазах.

Ему пришлось пойти работать слесарем в автопарк, чтоб получить рабочую карточку. Он рассказывал мне, как на автокомбинате, где он трудился с двенадцати лет, ему подставляли специальную тумбочку, чтобы повыше, чтобы доставать до тисков на верстаке. И мастер ему говорил, когда появлялся какой-то просвет в работе: «Ложись под верстак, поспи немножко».

Вот такие у него воспоминания. Поэтому День Победы для нас – и для его семьи, и для моей – это самый большой праздник.

Самый любимый праздник

Все остальные праздники – хороший повод отдохнуть, но День Победы особый случай. Когда мы жили в Москве, Виктор всякий раз шёл на Красную площадь, обязательно к Большому театру, потом – Парк культуры. Шёл туда, где собирались ветераны. И так каждый год! Сохранилось много фотографий, где он встречается с людьми, с фронтовиками. И каждый раз приходил и говорил мне – такой-то уже не приехал... Там со всей России собирались участники войны. Это, конечно, для него был самый большой праздник.

Я старалась обставить так День Победы, чтобы и дома было торжественно. Следила, чтобы Виктор уходил хорошо одетым. И чтобы, когда вернется, был накрыт стол и его ждал хороший обед. Потому что и для меня это тоже самый большой праздник. И даже сейчас, когда уже столько лет минуло, и когда всякие пертурбации, пересмотры исторических позиций случались. Меня всегда зло берёт, когда начинают умалять Победу. Я всегда говорила: «Идея? Нужна государственная идея? Вот вам идея – борьба с фашизмом».

Мы с Виктором – дети войны! Я всегда буду это повторять и всегда буду этим гордиться.

Семья Виктора

Конечно, двор тогда оказывал огромное влияние на формирование любого человека. Но что бы мы были без родителей!.. Поэтому хочу рассказать здесь немножко о родителях Виктора.

Его мать Анна Ивановна была малограмотной женщиной. Всю жизнь проработала в кузнечном цеху. Тяжелейший труд! Она и глохнуть стала от постоянного шума. Но чистюля невероятная! Когда к ней ни придёшь, она стирает. И всё у неё идеально выглядит – подушки с узором, скатерти, вещи. Всё белоснежное.

Если она зайдёт к нам, обязательно выстирает мне всё. Даже, случалось, испортит что-то. Есть ведь вещи, которые нельзя стирать или кипятить, а она возьмет и прокипятит – на всякий случай.

Мы никогда с ней не ссорились. Особой близости, дружбы у нас не было. Наверное, такие же отношения, как у меня с невесткой. Я, конечно, с уважением к ней отношусь, но сказать, чтоб с любовью... Нет, не могу. Внуки – да, это понятно. Это, наверное, чисто женский вариант взаимоотношений.

А теперь про отца Виктора... Василий Прохорович погиб во время войны в 1942 году. Говорят, под Сталинградом. Виктор очень много занимался этим вопросом, хотел узнать всю правду об отце. Через военкомат разыскивал информацию, но нам толком ничего не сказали.

Недавно позвонил внук Виктор из Санкт-Петербурга и сказал, что его кто-то разыскал... То ли услышал, то ли прочитал о том, что Виктор Васильевич интересуется судьбой отца, погибшего на войне. Говорил что-то о корнях его в Тульской области. То есть что-то начинает складываться, жду теперь от Витьки новостей о Василии Прохоровиче. Втайне ещё думаю: может быть, и кому-либо из читателей этой книги что-нибудь известно...

Двор

Двор, воспитавший Виктора, – это двор Мещанских улиц, где раньше был кинотеатр «Форум». Сейчас, кстати, кинотеатр собираются восстанавливать. Двор у Виктора был бандитский. Много там шаталось всякого хулиганья. А ещё там почему-то жило много ассирийцев – айсоров, как у нас их называли. И все они с Виктором дружили, видели его чистоту и преданность спорту, поэтому... оберегали. По-другому не могу сказать. Именно так – оберегали. И мать ему всегда говорила: «Витя, только не воруй, только не воруй». Она ведь знала, в каком окружении они живут.

Виктора во дворе не втягивали ни в какие авантюры. Он вырос светлым парнем. Спорт из него сделал такого человека. Если б не было спорта, неизвестно, как бы всё повернулось. Он потом встречался со своими бывшими товарищами. Меня на эти встречи не приглашал. Но я и не напрашивалась. Такие встречи – это его личные воспоминания. Ему интересно, а я – непонятно, что там буду делать.

Спорт тогда был единственным делом, перед которым преклонялись. Телевидения в общепринятом смысле слова не существовало. А остальные развлечения были малодоступны для простых людей. Разве что кино. Поэтому Виктору повезло, что он прожил долго и что сохранил себя. Именно тогда он понял, что нельзя заниматься чем-то ещё, кроме своего любимого дела.

Жилищный вопрос

Когда отец уехал с семьёй в Оренбург, мы с Виктором остались в четырехкомнатной квартире. Папа сразу сказал, что мы там можем жить. Мы располагались в двух комнатах, а на другую половину квартиры даже не заходили, нам двух комнат вполне хватало. Там стояла казенная мебель, выданная отцу. Никакой собственной мебели у нас не было. Да и не задумывались тогда об этом, так как не возникало необходимости.

А потом отец вернулся в Москву и получил довольно высокую должность. Мама решила, что мы должны жить отдельно. Согласна с ней – всё-таки взрослые дети должны жить самостоятельно.

У него была прекрасная способность – он всегда учился, он не стеснялся учиться ни у кого. У Тарасова, у Чернышёва, у Эпштейна. Поэтому, наверное, ему было так легко развиваться, совершенствоваться и расти.

И тогда отец эту четырехкомнатную квартиру разменял на две. Одну – двухкомнатную на Ленинском проспекте – себе, маме и моему младшему брату. А нам – двухкомнатную на Ленинградском проспекте, дом 11. Этот дом Мосгоргеотрест для своих строил, а по правилам тех времен десять процентов отдавал армии. Очень хорошая квартира с высокими потолками.

Виктору, впрочем, уже тоже обещали квартиру от «Динамо», в котором он оказался после того, как расформировали команду ВВС. И ему её в итоге дали – однокомнатную. Туда Виктор свою маму переселил – из коммуналки.

Вот так у нас всё положительно решилось с жилищным вопросом.

Наши друзья считали, что мы просто-таки шикарно живём. Тогда все жили или с родителями, или в коммунальных квартирах. Поэтому большие праздники, вроде Нового года, отмечали у нас.

Стас Петухов с женой приходил к нам. Это из хоккеистов. А вообще мы больше дружили с волейболистами. Юра Чесноков с женой был в нашей компании. Ещё друг Виктора Борис Уронов – журналист ТАСС. И, конечно, эксплуатировали меня кто как мог – я и готовила, и посуду мыла потом. Все приходили веселые, а я устала и уже поспать готова.

И всё равно – хорошо было. В складчину всё делалось. Сбрасывались, затем решали, кто покупает, а кто приносит – разделение полномочий. Но всё по-простому. Тогда спортивная элита только-только начала формироваться.

Стас Петухов уже попал в сборную, и у него появилась машина. Для нас это было нечто вообще недостижимое. Мы на троллейбусе, на метро. Но тот же Всеволод Михайлович Бобров, понятно, жил по-другому. И первая плеяда звёзд – Уколов, Сидоренков, Сологубов, Трегубов. Это великие – Виктор перед ними преклонялся.

У него была прекрасная способность – он всегда учился, он не стеснялся учиться ни у кого. У Тарасова, у Чернышёва, у Эпштейна. Поэтому, наверное, ему было так легко развиваться, совершенствоваться и расти. И он отсеивал, отбирал – реализовывал на практике только то, что ему подходит. Он умел анализировать. И сохранил это умение до конца жизни. Он даже художественную книгу читал с карандашом. С обязательными пометками, выписками.

У него были интересы, помимо хоккея. Всегда занимался самообразованием. Но об этом я ещё обязательно расскажу.

О моем отце

Эта книга, конечно, о Викторе. О его боях и победах. В меньшей степени о неудачах. Тридцать килограммов медалей, которые он завоевал, перевешивают все неудачи даже на самых критических весах. Но мне также хотелось бы, чтобы книга рассказала о ценностях той эпохи, в которой мы выросли.

Люди моего поколения, читая это, поностальгируют – воспоминания согреют их сердца. Молодежь извлечет для себя полезный опыт. Возможно, станет уважительнее относиться к людям старшего поколения. Нам никогда не следует пренебрегать тем, что хорошего было в прошлом. Ведь любому поколению есть чем гордиться. Поэтому хочу рассказать ещё и о своём отце, который мгновенно понял, что Виктор замечательный человек и что дочь будет с ним счастлива.

1930 год – год рождения Виктора. И это именно тот год, когда отец был награждён орденом Ленина – номер 101. Среди первых красноармейцев, награждённых высшим орденом страны, был и он. Тогда ещё – командир отделения сапёрной роты. Они отличились при тушении в Майкопе нефтяного огненного фонтана, который полыхал несколько дней. Никак не могли остановить пожар, унять факел. У меня сохранилась заметка из газеты. Там рассказывается о награждении пятерых. И один из них – мой отец, командир отделения Василий Нестерович Емельянов.

Отец был сапером, а потом стал политработником. В Москве оказался уже в пятидесятые годы, а в молодые годы часто менял города. По службе прошёл Кемерово, Ачинск, Куйбышевку-Восточную, Читу... Я маленькая была, но по разговорам помню эти названия. Он всю Сибирь проехал. А я родилась в Красноярске. Я – настоящая сибирячка. И мать у меня тоже родилась в Красноярске, а отец – из Майкопа. Так что пожар он тушил в родном городе...

Уже после он оказался в Сибири, там женился, и в 1933 году родилась я. Он уже был орденосцем.

Перед войной учился в Академии имени Фрунзе. Мы снимали комнату в коммунальной квартире. Точный адрес не помню – Касьянский переулок, в районе Сретенки. Там ещё был телеграф. Картинка из детства – чертили классики на асфальте, прыгали и вот так играли около дома.

Во время войны он отправил нас в эвакуацию. В Грузию – в город Кутаиси, где жили его сестры. А сам – на фронт. Пришлось ему и на Северном Кавказе воевать, тогда уже в звании бригадного комиссара, члена Военного совета 46-й армии. Именно на эту армию была возложена обязанность обороны перевалов Главного Кавказского хребта. В 1943 году, в период затишья, отец прислал машину в Кутаиси, и мы с матерью приехали к нему – в станцию Красноармейская. В памяти всё такое большое-пребольшое – гигантский сад, персики, абрикосы... Километры фруктов в воспоминаниях. То ли я маленькая была, то ли, действительно, меня окружал огромный вкусный и сочный мир.

Было такое понятие – сын полка. А вот меня приняли как дочь полка. Обули, одели во всё военное. Маленький размер? Так сшили мне военную форму – там даже мастерские были. Целая армия стояла, а я – её всеобщая любимица!

Пробыли мы там приблизительно месяц.

Позже отправились с отцом в Красноярск. А из Красноярска в конце войны, в 1944 году, отца перевели в Монголию. Формировалась армия для войны с Японией. В городе Чойбалсан на востоке Монголии стояли советские войска. Жили кто где. Даже в землянках доводилось. Но нам повезло – у нас был дом.

Воспоминания невероятные: выйдешь – и степь кругом. Сколько ни смотришь – только степь. И хоть судьба занесла нас в такое глухое место, а всё-таки учиться-то надо. Я ходила в школу при торгпредстве. Нас, детишек, на машине собирали и отвозили в школу. А потом, после учёбы, развозили обратно. Город хоть и маленький – чуть побольше деревни, – но дети всё равно находились под контролем. Между прочим, в этом городе родился Юрий Сенкевич, знаменитый ведущий телевизионной программы «Клуб путешествий»...

Интересная жизнь была. Тяжёлая, потому что на колесах, но столько впечатлений! И учителя были очень хорошие. До сих пор помню то, что проходили на уроках истории и географии. Когда смотрю передачи, где задаются вопросы на эрудицию, мимоходом всё отгадываю. На том, школьном запасе. Задел, культурный и интеллектуальный, получила замечательный – на всю жизнь! А ведь училась отнюдь не в столичной спецшколе. Вот какой тогда был уровень образования!

С другой стороны, и у детей имелось желание получить знания. Какой бы замечательный ни был учитель, у него ничего не получится, если дети не хотят воспринимать информацию.

И тогда я не только с интересом училась, но и пристрастилась к чтению. В военном городке была большая библиотека, которая меня буквально поглотила. А я потом с ремнем учила сына Ваську читать, когда он никак не хотел. Говорила ему: «Если не прочитаешь, в кино с нами не пойдешь. Хоть две страницы ты должен прочесть». А спустя какое-то время я его поймала на том, что он под одеялом с фонариком читает, – вот такая традиция!

После окончания войны мы с отцом редко виделись, потому что он – то в одной, то в другой стране. Он участвовал 14 сентября 1954 года в ядерных испытаниях. На Тоцком военном полигоне в Оренбургской области впервые в Советском Союзе прошли войсковые учения в условиях реального взрыва атомной бомбы. Сорок три тысячи солдат участвовало. Естественно, были меры предосторожности и спецодежда. Но, несмотря на это, он облучился и получил рак легкого. Потом – метастазы в голову.

Сам главный хирург Министерства обороны СССР профессор Александр Александрович Вишневский делал операцию. Но и это не спасло. Отец умер, когда ему было всего пятьдесят семь лет. Не пил лишнего, не курил, работал – всё в порядке, всё в норме, а тут такое...

Тогда весь мир готовился к ядерной войне. И в США, и в Китае проходили подобные испытания с участием войск и с маневрами на месте взрыва. Французы в начале шестидесятых взрывали бомбы в пустыне Сахара. И тоже солдаты шли в заражённые радиацией места. Ужасно! Тогда никто не понимал масштабов и последствий этих испытаний.

Отец рассказывал, что после взрыва был жуткий порыв ветра, и у него даже фуражку сдуло с головы. Я запомнила на всю жизнь...

Когда мы поженились с Виктором, отец был вполне здоров. И он одобрил мой выбор. И отец, и Виктор быстро оценили друг друга – почувствовали незаурядные человеческие качества. Для Виктора, конечно, было важно, что мой отец всю войну прошёл. У Виктора же отец погиб! Поэтому для него фронтовик – особенный человек. Но – судьба...

Глава II

Шаги в хоккей

Всеволод Бобров

Когда мы познакомились, Виктор мне рассказал, что во дворе у него была кличка Кыра. Я поинтересовалась, а почему Кыра? Оказывается, картавил очень сильно. Но в 1953 году он уже безо всяких дефектов говорил – никакой картавости. Виктор обладал такой целеустремленностью, что сумел сам, без врача-логопеда исправить недостаток. В команде кто-то по старой памяти мог его назвать Кырой – наверное, тот, кто знал его подростком.

Виктор умел исправлять в жизни то, что ему не нравилось. Умел преодолевать. А в прозвище ничего такого страшного нет. В Латвии он был Тишка (от фамилии, наверное), теперь его внук носит то же прозвище, по наследству.

А вот кого называли по имени-отчеству даже тогда, когда он ещё играл, так это Всеволода Михайловича Боброва. С ним Виктор выступал за команду ВВС, когда мы ещё и знакомы не были. Всегда и везде он говорил о Боброве только в превосходной степени. А я со Всеволодом так и не познакомилась, хотя дружила с братом его.

Об этом хоккеисте (и футболисте!) ходило необычайно много легенд и баек. Можно сказать, герой фольклора. Видимо, Бобров был очень коммуникабельным человеком. Мог наладить связь с кем угодно – все его просто обожали.

Виктор всегда любил одиночество, уединение. На работе уставал, поэтому тянуло домой. Дома он записывал всё, что за день происходило.

Мой Виктор пересекался со Всеволодом Михайловичем только по игровым делам. Особой дружбы между ними не было, общались лишь, что называется, по работе. У Боброва всё-таки существовал свой круг, Виктор тогда до этого круга ещё не дорос. Впрочем, они и по своим интересам совсем разные люди.

Вокруг Боброва всегда артисты и знаменитые люди – весь бомонд того времени. И он с ними хорошо сочетался и смотрелся. А Виктор всегда любил одиночество, уединение. На работе уставал, поэтому тянуло домой. Дома он записывал всё, что за день происходило. Боброва за таким занятием трудно себе представить.

Было бы неверно назвать записи Виктора дневником. Потому что он записывал рабочие моменты, а не личные впечатления. Всё, что связано с командой, сначала записывал на листочках, а потом переносил красивым почерком (прямо-таки каллиграфическим) в тетрадку. Позже записи перекочевали в папки, в большие альбомы. Виктор мог туда заглянуть и сказать, в каком году и о чём говорили. И чем разговор закончился. Против таких фактов, спустя несколько лет, тяжело было возражать игроку, который начинал с ним спорить.

Такая кропотливая работа, видимо, не доставляла ему никаких затруднений. Подозреваю, он отдыхал, записывая, и заодно делал анализ.

А в Латвии я ему посоветовала брать объяснительные записки. Чтобы потом игроку невозможно было отвертеться. На все случаи нарушения режима и дисциплины – объяснительная. У нас сохранилось много смешных записок – кто что выпил, когда, где и почему, от радости или с горя. С обязательным указанием причин. Целая летопись человеческих прегрешений. Впрочем, такой способ поддержания порядка актуален на любом предприятии – если нарушил, с тебя требуют объяснения.

Виктор проделывал титаническую работу со всеми этими бумажками. У меня бы никогда не хватило терпения на такой системный труд. Я более легкомысленная, что ли.

Неудачи и поражения

Когда матч на стадионе заканчивался, у выходов толпились близкие и знакомые, ожидая своих. Как правило, я ждала дольше всех. Когда же он выйдет из раздевалки! А стал тренером – то же самое. Он мылся, тщательно складывал вещи в баул. Потом мы ехали домой, а дома что – телевизор, ужин.

Да, да, у нас уже был телевизор. С маленьким экраном и большой линзой. Отец дал деньги, а Виктор его где-то достал (по благу, как тогда говорили). В магазине купить невозможно было, а у него свои связи. У известных спортсменов бывают связи – знакомые, болельщики.

«Клуб кинопутешествий», кстати, одна из любимых передач с 1960 года, с самого начала. Тогда её вёл Владимир Шнейдеров, это уже в 70-е его сменил Юрий Сенкевич. Мы эту программу всегда вместе смотрели.

После игры мы ни в какие рестораны не ходили. Всегда дома. Он же уставал после матчей – ну, куда идти-то? Только домой.

Поскольку машины у нас не было, то добирались мы на троллейбусе. От стадиона «Динамо» троллейбус номер 12 шёл прямо до нашего дома на Ленинградском проспекте. Минут десять – и мы на месте.

Дома надо было развесить экипировку, форму, чтоб сохло. Виктор всегда сам – я ему никогда не стирала хоккейную амуницию. Только сам!

В троллейбусе его не узнавали. Узнавать на улицах его стали в Риге. Может, кто-то и узнавал в Москве, но тогда народ себя по-другому вел. Это сейчас могли бы спросить: «Ты Тихонов?».

Он, конечно, был очень хорошим защитником – надёжным. Таким же, каким он был в жизни человеком, – стабильным. Не случайно его и в первую сборную приглашали. Но, к сожалению, в Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо в 1956 году ему участвовать не пришлось, хотя в первоначальном составе сборной он туда поехал. Их вместе с Константином Локтевым отправили домой в последний момент.

Помню, переживал он по этому поводу страшно. Наверное, это так застряло в его памяти, что, уже работая тренером сборной, он страшно мучился, когда приходилось в последний момент кого-то отцеплять. Он раз десять со мной об этом говорил. Не обсуждал, не совета просил, а просто выговаривался. А я ему: «Вить, ну, я ж тебе ничего не могу сказать... Раз уж должен это делать – делай». Очень близко принимал к сердцу.

Они вдвоем с Локтевым вернулись в Москву, а команда потом Олимпиаду с блеском выиграла.

Хотя профессии «хоккеист» тогда не существовало. Руководители утверждали, что хоккеист – это не профессия. Один игрок – пекарь, другой – токарь, третий – слесарь.

Тут, раз уж зашла речь о первом серьёзном поражении Виктора, не могу не сказать об удивительных переплетениях судьбы. Главной фигурой в нашей команде на Олимпиаде был Всеволод Бобров, с которым я так и не была знакома. А вот с его женой, артисткой Театра оперетты Татьяной Саниной, я познакомилась именно тогда. Виктор, вернувшись из расположения сборной, привёз из Италии купленный для неё мужем подарок – очень красивые туфли. Виктор их привёз, и я позвонила Саниной. Договорились о встрече. Бобров и Санина жили на Соколе, в угловом доме, недалеко от нас. Так я познакомилась с этой знаменитой, тогда безусловной примадонной Театра оперетты.

Вернёмся, однако, к Виктору. В тот момент ему было трудно, он вообще тяжело переживал неудачи. Но уже тогда анализировал причины. Ему изначально это было присуще. Записывал что-то. Мне кажется, он с блокнотом вообще не расставался, все наши совместные годы. Свои ошибки он всегда признавал – всегда подмечал, что не так делал. Иногда он и мне об ошибках рассказывал, но я в то время ничего не понимала. Просто его выслушивала и сочувствовала.

Никогда в жизни Виктор не срывал на мне злость из-за поражений, никогда! То есть случалось, конечно – в каких-то других ситуациях, – что я своими шуточками могла его, что называется, «достать», и он начинал злиться, высказывал мне разное... Но – подбирал слова.

Мне кажется, он и на других редко срывался. Мог не любить человека, не уважать, но никогда не скажет ему. Наверное, в игре приходилось выговаривать хоккеистам, но ведь игра – это особое состояние.

И с болельщиками Виктор вел себя точно так же – всегда с уважением и терпением. Всем после матча оставит автографы, сфотографируется. А я стою неподалеку, вся из себя замерзшая. И даже в его письме латвийским болельщикам, которое он опубликовал в 1977 году после ухода в ЦСКА, – даже в этом письме чувствуется ответственное отношение к ним. Такому не научишься, это в человеке или есть, или нет.

Когда он был игроком, никто из болельщиков после матчей его не останавливал. Как бы он ни сыграл – хорошо ли, плохо ли... Но для него это не имело значения, всё должен был сам проанализировать. Придём домой, я быстренько поделаю что-то и – на боковую. А Виктор долго сидел – не мог заснуть после игр. Ещё и ещё раз проигрывал в голове все эпизоды, что-то записывал. Меня всегда поражало, что он помнит, какая игра где проходила, в каком периоде кто забил, кто допустил ошибку, он помнит всё... И только после того, как всё проанализировал, Виктор ложился и быстро засыпал. У него был такой дар.

Записи его хранятся. Целый шкаф – начиная с семидесятых годов. Всё подобрано, всё подшито, всё в альбомах – последние два года жизни ему захотелось привести все записи в порядок. Он, видимо, проживал всё это как бы заново.

Врожденная страсть к анализу помогла ему стать тренером. И к работе тренера он себя внутренне готовил. Уже тогда он вел разговоры не частного, а глобального порядка – сколько в хоккее игроков спилось, сколько погибло.

Хотя профессии «хоккеист» тогда не существовало. Руководители утверждали, что хоккеист – это не профессия. Один игрок – пекарь, другой – токарь, третий – слесарь. Но это же неправда. Я всегда, как молодой юрист, спорила с этим. Мое мнение – если человек живет на деньги, которые он получил за игру в хоккей, то, значит, он профессионал в данном деле.

Виктор числился военнотружущим. Когда он ушёл в Ригу, его лет десять, если не больше, держали на капитанских погонах. И только потом, в Москве, когда ЦСКА и сборная СССР стали выигрывать, ему присвоили звание полковника.

Аркадий Иванович Чернышёв

Аркадия Ивановича помню очень хорошо. Для меня он тогда был и царь, и бог, и начальник мужа. Один раз мы побывали у него в гостях. Знала его жену – Велту Мартыновну, латышку. Они мне оба нравились. Хотя Аркадий Иванович всё-таки был довольно жестким человеком. По словам Виктора, Чернышёв не часто кричал, но мог.

У Аркадия Ивановича он учился – сначала стал играющим тренером, а потом помощником. Когда Виктор сломал большую берцовую кость, то уже не мог вернуться на лёд. А играющим тренером он стал, потому что всегда помогал чем-то Чернышёву. Наверное, он среди игроков был наиболее образованным. Хотя... формально образование у него было самое обычное. Но Чернышёв, наверное, видел, что он думающий и – непьющий. Это обстоятельство уже само по себе играло большую роль. Виктор мне рассказывал, как игроки после бани заходили пообедать: каждый по пол-литра выпивал. Для них бутылка водки была, как для нас грамм пятьдесят...

В какой-то степени Виктор был среди игроков изгоем. Пусть читатель извинит мне столь резкое слово, но, по сути, – так... Когда он стал играющим тренером, всякие заслуженные-перезаслуженные игроки его за своего никак не держали. Он мне не жаловался, но я чувствовала. Знаю наверняка: если бы он с ними выпивал, то отношение стало бы иным.

Уезжая в сборную, Аркадий Иванович оставлял за себя Виктора. Когда Чернышёв уезжал, Виктор давал игрокам свои нагрузки. Повыше, чем у Аркадия Ивановича. Не всем это нравилось. Но он уже пытался сделать что-то своё – то, что считал нужным. Не знаю, убеждал ли он Аркадия Ивановича в необходимости что-то поменять. Думаю, что нет. Он не тот человек, который придёт к старшему тренеру и скажет: «Ты неправильно тренируешь, давай-ка сделаем по-моему». Но он пытался, пробовал что-то своё.

Когда Аркадий Иванович возвращался, команда была в отличном состоянии. Может быть, это обстоятельство намекало Чернышёву, что надо отправить Виктора на самостоятельную работу. Здесь различные могут быть соображения. С одной стороны – если проявляется у человека некоторая способность, нужно дать ему возможность развиваться дальше. С другой – когда у главного появляется помощник с собственными идеями и с перспективой, то его не остановить. И что будет дальше? Главный тренер должен думать о сохранении своих позиций. Чтобы никто не дышал за спиной и не претендовал на его место.

Мне в какой-то момент уже было понятно – Виктору надо самому работать. То, что дал Аркадий Иванович, он впитал в себя. Но ему хотелось чего-то такого, на что он не имел разрешения. Второй тренер – это всегда второй, он всю жизнь может быть прекрасным вторым.

Есть такое высокое понятие: момент перелома в карьере. Я этот момент хорошо помню, потому что моя инициатива была. Видела, что у него муки, что самостоятельная тренерская работа – его стезя. И однажды говорю мужу: «Знаешь что, давай поедem куда-нибудь». Хотя и у меня стала уже складываться некая карьера – хорошая зарплата пошла.

Предложения поступили из трех городов: Горький, Рига и Ленинград. Я говорю: «Решай, поеду в любой, куда хочешь». Все варианты были с командами из второй группы чемпионата СССР, не из первой. Он выбрал Ригу. Может, исходил из того, что это всё-таки Европа. В Риге он много раз бывал – играл там, когда рижская команда ещё выступала в первом дивизионе чемпионата. А может, всё то же – судьба ему покровительствовала? Нет, читатель, не считите меня суеверной, а всё же я вот думаю: ведь мог бы выбрать Горький или Ленинград и тогда – получилось бы там или нет? Наверное, могло сложиться всё по-другому.

Когда мы отправлялись в Ригу, нам говорили: «Куда вы едете к фашистам?». Были и такие люди...

Делегация из Риги

Из Риги приехала к нам целая делегация. А я как раз в это время вступала в партию. Пока я решала свои партийные вопросы, пришла к нам мама Виктора, Анна Ивановна. Она пожарила мясо, стол накрыла, чтобы принять гостей, а Виктор встречал их.

Возглавлял эту делегацию Альфонс Фрицевич Егерс – бывший футболист. Он был начальником команды. И с ним впоследствии Виктору прекрасно работалось. Тот хорошо знал спорт. И к тому же был необычайно популярен в Латвии. Как Харламов в Союзе.

Прибыл на встречу также председатель латвийского республиканского совета «Динамо» Виктор Робертович Земмерс. Я у него потом работала. Правда, не сразу после того, как переехала в Ригу.

Третьим был Вальдемар Шульманис – чуть ли не лучший игрок рижского «Динамо» пятидесятых, брат знаменитого Роберта Шульманиса, погибшего с командой ВВС в той трагической авиакатастрофе.

Они переговорили с Виктором. Виктор сформулировал им свои условия. Причём не просто выдвинул требования, а объяснил, зачем ему всё это нужно – по пунктам.

Ударили по рукам, договорились и, когда я пришла, уже всё было решено. В общем, в партию меня приняли, мясо зажарилось, а Виктор стал тренером рижского «Динамо». Посидели, выпили бутылку шампанского, и они уехали. Виктор стал собираться.

Приняли его там замечательно. Правда, свой переезд к нему мне пришлось отложить на целый год. Держала работа в Москве, да и переезжать к Виктору было пока некуда. Он жил в гостинице, в разных гостиницах. Подолгу нельзя было жить в одной и той же – вот его и перевозили. Я к нему дважды прилетала посмотреть. Хотя в детстве гостила на каникулах у родителей в Болгарии, видела не только жизнь в СССР, но всё равно – Рига поразила тем, что это была Европа.

Последний год в Москве я работала уже в вышестоящей организации, которая руководила всеми хладокомбинатами Москвы. Называлась она «Росмясорыбторг», очень большая, солидная организация. И с начальниками мне опять везло. Я благодарна первому, на хладокомбинате № 7, Леониду Андреевичу Иванову, который всему меня учил. А здесь я попала к парню по фамилии Сокол. Михаил Вуколович Сокол. Во время войны танк переехал ему ногу, пришлось ампутировать. Окончил юридический институт, семья, двое детей, и всё – на костылях.

Он-то и зазвал меня в главк, взял к себе в отдел. А там – совсем другая работа. На хладокомбинате – недостатки, утриска, усушка при поставках продуктов, а здесь – договоры о поставках. И я научилась тому, что потом пригодилось в Риге. Кстати, именно Сокол настоял на том, чтобы я вступала в партию, и дал рекомендацию. Я сопротивлялась – не стремилась делать карьеру. Всё-таки главным для меня всегда был дом.

А в Риге через год нам дали что-то вроде общежития на первом этаже – двухкомнатная квартира, совмещённый санузел, проходные комнаты. Забрали мы сына Ваську из московской школы и подались туда. И самое счастливое время было у нас в Риге. Да и Виктор, судя по его записям, так считал.

Он становился настоящим тренером, у него был простор для реализации своих идей, планов, задумок. К нему замечательно относилось руководство – первые лица республики, первый секретарь, предсовмина. Ему сказали – делайте всё, что считаете нужным. Конечно, не обходилось без разговоров – латышей берёт-не берёт. Но у него были и местные, и русские ребята, которых он привёз. Совсем ещё молодых пацанов. В том числе, и Валерия Ивановича Гущина, с которым его потом судьба связала.

У Виктора был в команде жесткий закон – когда все вместе, то говорить нужно только по-русски. Потому что этот язык понимает вся команда. А когда игроки отдельно, в компании, то можно говорить, как угодно. Я тоже со своими знакомыми латышами шутила: «Говорите, как хотите. Я азы схватила и всегда пойму, что вы меня ругаете».

У меня много было друзей латышей, очень много. С ними и отношения какие-то другие – европейские, уважительные. И пресса местная всегда о Викторе хорошо высказывалась. Нет, конечно, критиковали в меру, но такого хамства, как здесь, быть не могло. Поэтому он работал с упоением. И работал, как принято говорить в таких случаях, двадцать четыре часа в сутки. Потому что уже там он ввел обязательные сборы как элемент подготовки к матчам. Он объездил все рижские пригороды, чуть ли не всю Латвию. И наконец они с Егерсом нашли идеальное место для так называемой предсезонки – базы подготовки команды к чемпионату.

Цитадель предсезонки

Фактически базой для рижского «Динамо» стал небольшой городок Кандава – девять-сто пять километров от Риги. Там располагался сельхозтехникум. Учащихся летом не было – территория пустовала, никто не мешал. При сельхозтехникуме имелись громадное футбольное поле, тренажёрный зал – всё, что нужно для занятий спортом. Столовой не было, в столовую надо было минут десять идти. Что-то вроде придорожной харчевни. До сих пор вспоминаю, как вкусно там кормили – команда три раза в день там питалась. И была река, где можно после тренировок поплавать. И был шикарный, весь усеянный ягодами, лес, по которому игроки бегали, Вот такое заповедное место.

Виктор бежал кроссы впереди команды. Он их так готовил, что они ещё долгие годы оказывались, что называется, профпригодными. Благодаря заложенному фундаменту физподготовки.

Потом Виктор там устроил свои тренажёры. Всё ему сделали, поставили. Все годы работы мужа в Риге местом летних сборов была Кандава. И Виктор бежал кроссы впереди команды. Он их так готовил, что они ещё долгие годы оказывались, что называется, профпригодными. Благодаря заложенному фундаменту физподготовки. Сопrotивлялись они, конечно, – мол, зачем это надо! Точно так же и в Москве потом были похожие разговоры – мы и так чемпионы, мы всё-всё выиграли, а тут какие-то новые нагрузки...

А потом все ворчавшие корифеи уехали за океан и в Европу и выяснилось, что, благодаря этой подготовке, они там ещё много лет на хорошем уровне продержались. Можно сказать, на старых запасах. Все эти нагрузки себя оправдали.

Между прочим, и мне жёны хоккеистов, а порой и сами они жаловались на усталость. Так я всегда говорила: «Ребята, не нравится – собирайтесь, уходите и занимайтесь другой деятельностью. Становитесь директорами завода или ещё кем-нибудь – пожалуйста. Ведь начальство не выбирают. Если мне не нравится начальник, я пишу заявление, ухожу, ищу себе другую работу. Разве не так?».

Про везение

Мы никогда с ним тему везения-невезения не обсуждали. Он не хотел, а я и не спрашивала. Хотя всегда говорила ему: «Виктор, тебе судьба помогает здорово». Так складывались обстоятельства... Он не сыграл на Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо, но всё-таки до последнего был в составе – это уже показатель уровня его мастерства. Не попал на олимпийский лёд, зато узнал, каково это – быть отчисленным. И этот отрицательный опыт помог ему впоследствии с ребятами, которых нужно было отцеплять. Виктор понимал, как это больно и обидно.

С одной стороны, Виктор четыре раза выигрывал чемпионат Советского Союза, с другой стороны, у него было много травм, много повреждений, поэтому рано закончил.

Да, рано закончил – в тридцать два года. Во всяком случае, если мерять по сегодняшним представлениям. По тем временам – пенсионный возраст. Тогда тридцать лет – и всё, готовься на выход!

Конечно, он хотел ещё поиграть. И если бы не та страшная травма... Но судьба распорядилась так, и она распорядилась правильно. Если бы он ещё поиграл, то, может, и не стал бы таким тренером.

Ведь тренер – это совсем другая профессия. Заблуждаются те, кто думает, что из профессии игрока можно легко перейти в профессию тренера. Что одно вытекает из другого.

Всё правильно – игрок отвечает только за себя, он должен быть готов выполнить то, что ему сказали. Может, конечно, проявить инициативу, а может и не проявлять – это уже другой вопрос. Но тренер отвечает за всех. И это – совсем другой труд.

В Латвии я со многими хоккеистами приятельствовала, и они мне говорили: «Вот закончим играть, будем тренерами». А я возражала: «Ребята, не заблуждайтесь! Это другая работа, другая профессия – не каждый её выдержит, не каждый имеет задатки».

Ещё будучи хоккеистом, к ней готовился Петя Воробьёв. Всё время что-то записывал. Я с его женой Ниной разговаривала на эту тему. Он не просто хотел – он знал, что после хоккея останется в спорте. Петя всегда в себе сомневался и, я знаю, был очень благодарен Виктору за то, что тот подтянул его в первое звено. Петя был прекрасным центральным нападающим – с ним звено преображалось. Так вот, он всерьёз готовился к тренерской деятельности уже тогда, а большинству было наплевать.

Неслучайно на поминках у Виктора выступали ребята, ставшие впоследствии тренерами, и говорили, что с возрастом переменили свои взгляды на многие хоккейные вещи. Всё правильно – игрок отвечает только за себя, он должен быть готов выполнить то, что ему сказали. Может, конечно, проявить инициативу, а может и не проявлять – это уже другой вопрос. Но тренер отвечает за всех. И это – совсем другой труд.

Плюс организационная работа. Со всеми надо найти общий язык. Если ты игрок, то ты озабочен поиском взаимопонимания со своим звеном, причём – в процессе игры. Отыграли и разошлись – кто выпил, кто закусил, кто чай попил, кому что. А тренер должен за всех решать – кому ремень, кому конфетку. Я так всегда считала и в любом разговоре эту позицию отстаивала. Как и своё убеждение в том, что все советские спортсмены мирового уровня – (даже с юридической точки зрения) профессионалы, а не любители.

Глава III Рижское взморье

Будни в Риге

Пока я не переехала в Ригу, по телефону практически каждый день говорили с Виктором. То я ему звонила, то он мне – мобильных-то тогда не было, надо было ещё дома застать. Виктор занят – весь в деле. Я потихоньку готовила сотрудников и начальство на работе к тому, что мне придётся уехать к мужу. Но сначала не всё так радужно было – Виктор говорил: «Ужас, что здесь».

Надо было всё перелопачивать, ведь команда была в бедственном положении. Хорошо, что меня тогда там не было – он не отвлекался. Только дело! Ему очень помогал Альфонс Егерс, начальник команды – настоящий латыш, но к русским относился с большим уважением. А Виктора он просто любил. Повезло и с администратором команды по фамилии Салцевич. Был в «Динамо» хороший доктор – Янис Квепс. Сразу сложился коллектив единомышленников.

Очень жалко помощника Виктора – он утонул. Ян Шульберг – здоровый такой парень, отличный специалист. Купался летом, нырнул – и всё. Рост у него – метра два. Когда «Динамо» выигрывало, а я в коридоре проходила, то он меня всегда подбрасывал и ловил.

В общем, опять же – повезло Виктору. Приехал – и сразу такой замечательный коллектив! А ведь мог попасться какой-нибудь подонок, и начались бы трудности. А так они все вместе девять лет проработали. И никогда я не сталкивалась с тем, чтобы кто-то из них сказал: «Виктор не то делает». Они все по-деловому, по-человечески были ему очень преданы. Егерс мог приструнить латышей по своим каналам, если возникала необходимость.

Команда подчинялась министру МВД Латвийской ССР Владимиру Альфредовичу Сея. Это удивительный человек! Когда в Латвии после войны партизанили «лесные братья», он служил оперуполномоченным. На велосипеде объезжал свои участки, а в кармане лежала граната... С ним тоже сложились отличные отношения.

За все годы, что я в Латвии прожила, меня ни разу никто не обидел, не оскорбил – никакого национализма! И друзья остались. Когда Виктор умер, кажется, вся Латвия звонила – выражала соболезнования.

Конечно, Виктору пришлось ребят тасовать, выбирать-перебирать, отчислять. Было, между прочим, и немало парней из талантливых, кто спился. Виктор Хатулев – громадный, шкаф настоящий, очень сильный игрок – был лучшим бомбардиром молодежного чемпионата мира. В итоге спился.

Сначала игроки страдали от пьянства, а потом стали появляться наркотики, но это уже значительно позже. В связи с темой нарушения режима хочу добрым словом вспомнить водителя клубного автобуса. Виктор сменил нескольких, а последним оказался такой сухопарый латыш – Янис, фамилию, к сожалению, не помню. Во-первых, он ребятам никогда никаких бутылок не подвозил, как делали это другие водители (даже в ЦСКА). Во-вторых, заставлял выметать всю шелуху, весь мусор. Так и сказал: «Кто сыпет шелуху от семечек на пол, будет её сам убирать». Навел порядок – чистый красивый автобус, со шторками. В общем, держал игроков в узде. И никакого алкоголя!

А нарушения режима все были на виду. Город ведь небольшой. Да ведь и пили не где-нибудь на кухне, всем надо было в ресторан – девушки туда тянули. Засветились – и сразу звонок! Но не Виктору, а Егерсу или Салцевичу докладывали – мол, сидят там-то ваши

ребята, пьянствуют. Так что информация поставлялась отлично. Болельщики команду обожали и переживали за неё.

Каждый год после завершения чемпионата обязательно проходила встреча с командой. Полный дворец собирался! Отчёт о том, как играли, оценка всем игрокам, звеньям. А затем вопросы-ответы. И обязательно концерт – это было просто замечательно!

Хелмут Балдерис

Виктор ещё ничего мне про Хелмута Балдериса не рассказывал, а я сама увидела, что появился весьма необычный парень. Невероятно видный! И у него были знаменитые папа с мамой. Так их и звали – папа Балдерис и мама. Маму он называл Маруся. Папа Балдерис был водителем – такой тучный. Мама тоже полненькая. По-моему, она подторговывала. У неё всегда можно было приобрести красивую вещь – тогда ведь с этим были проблемы. Она часто что-то мне предлагала: «Татьяна, не хотите костюмчик кримпленовый?». В те времена люди крутились кто как мог.

Балдерисы, конечно, очень гордились своим сыном. А у сына был характер! Честно скажу, не очень хороший. Изначально Хелмут занимался фигурным катанием, поэтому Виктору говорили – переучивай его, хоккеисту так нельзя кататься! А Виктор не стал прислушиваться, оставил всё, как есть. В итоге Балдерис пробился и показал себя.

Хелмут с гонором большим. Оно и понятно – все им восхищались, лучшим называли, на пьедестал возносили. Но Виктор шерстил его хорошенько. Он обижался и отругивался, хотя и выполнял требования тренера. Правда, в Москве прижиться-освоиться он не смог – вернулся в Ригу. Ему здесь сложно было, хотя и Борис Михайлов его уговаривал, и все остальные. Чтобы остался...

Когда говорят, что Виктор забрал всех, кого только можно было в армию призвать, то вот же, есть обратный пример. Хелмут Балдерис, отслужив срочную, ушёл в запас. Так что – не захотел оставаться в ЦСКА – ушёл. Сергей Капустин – то же самое: поиграл в ЦСКА и перешёл в «Спартак». Тогда и забирать-то в армию не надо было, все хоккеисты стремились в ЦСКА, потому что оттуда проще было попасть в сборную СССР. Не силком их тащили, люди сами хотели.

Виктор мне иногда рассказывал про конфликты с Балдерисом. Но всё равно надо было с ним находить общий язык и работать, потому что он – выдающийся хоккеист. Виктор уделял ему очень много внимания и видел перспективы роста. Но тот был капризным. Вот с Петей Воробьёвым всё было просто, Пете сказали – Петя сделал. А Хелмут себя чувствовал звездой. Тем более, когда женился.

Виктор умел противостоять. С хоккеистами у него не было близких отношений, игроков он к себе не приближал. Однако Виктор был к своим игрокам очень внимателен, умел входить в положение людей. Если действительно случалось что-то серьёзное.

Тесть Балдериса возглавлял республиканский спорткомитет, то есть большим был начальником. Впрочем, и тесть ни при чём, Хелмут сам по себе был трудным – по характеру такой. Хотя собственный папа его отчитывал и ругал. Впрочем, ругал, наверное, чтобы Виктор слышал, при нём ругал. Виктор много и с папой беседовал, да и с мамой – требовал, чтобы они влияли на Хелмута. Но он и родителям доставлял много хлопот. Что тут поделаешь, в масштабах Латвии он стал звездой, и все культивировали это.

Виктор умел противостоять. С хоккеистами у него не было близких отношений, игроков он к себе не приближал. С тем же Петром Воробьёвым они стали больше общаться, когда тот завершил игровую карьеру и стал тренером.

Однако Виктор был к своим игрокам очень внимателен, умел входить в положение людей. Если действительно случалось что-то серьёзное. Бывший президент Федерации хоккея России Александр Яковлевич Стеблин тоже играл в рижском «Динамо». И ему пришлось уехать из-за семейных обстоятельств. У него умер отец, через неделю после этого родилась дочка, да ещё, ко всему прочему, на нём – младший брат, которого надо было ставить на

ноги. Поэтому Виктор его отпустил. А другие ребята, приехавшие из России, практически все вписались. Более того, все, кто приехал, олатышились – так им понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.